

Майские цикады завели свою песню — начались первые по-настоящему жаркие дни. В кружке каллиграфии дети, не знающие покоя, уже переоделись в ярко-желтые футболки с Атомом и теперь носились друг за другом под виноградником во дворе. Глядя на них, невольно думаешь, что лето — и впрямь пора кипучей энергии.

Му Цы же по-прежнему носил белую рубашку с длинным рукавом, тщательно застегнутую на вторую пуговицу, не открывающую даже намека на ключицы. Однако по его красивому, но бледному лицу и тонкой шее можно было догадаться, что и под рубашкой скрывается такое же хрупкое тело, словно он — фарфоровая куколка, готовая разбиться от малейшего прикосновения. Солнечный свет, падавший на его лицо, придавал коже едва заметную прозрачность.

Аура этого человека не очень-то вязалась с обстановкой двора. От Му Цы исходило ощущение легкой отстраненности и старины; стоило ему замереть на месте, как он тут же начинал походить на сошедшего с полотна тушью утонченного юношу.

Прозвенел звонок. Му Цы стоял у входа в класс и машинально потянулся к волосам, собираясь завязать их резинкой.

Коснувшись пальцами коротких прядей, он вздрогнул и пришел в себя. Ах да, он ведь совсем недавно остриг длинные волосы.

Му Цы с облегчением выдохнул, хлопнул в ладоши и мягко, но сдержанно произнес:

— Ну вот, время вышло, пора начинать урок.

Толпа семи-восьмилетних непосед, шумно переговариваясь, ввалилась в класс и под тихие наставления Му Цы расселась по местам.

Это была частная студия каллиграфии. У него не было документов, так что найти работу оказалось непросто. Му Цы был благодарен судьбе за то, что с детства умел красиво писать, иначе он наверняка скитался бы по улицам, голодая.

Он преподавал здесь уже две недели, и все это время все шло спокойно. Натянутые нервы Му Цы начали понемногу отпускать, он даже стал втайне ждать середины месяца, когда должны были выдать первую зарплату.

Сумма была невелика, и тот человек, услышав о ней, наверняка лишь презрительно хмыкнул бы и высмеял его. Но Му Цы чувствовал легкое воодушевление — это были первые деньги, которые он заработал в этом мире собственным трудом.

Дети старательно выводили иероглифы, а Му Цы сидел за преподавательским столом, подперев подбородок белой ладонью, и пребывал в глубокой задумчивости.

Он был невероятно красив в любом ракурсе: длинные, слегка загнутые вверх ресницы, светлые, словно присыпанные золотой пылью глаза, оттенок которых был светлее, чем у обычных людей. А кожа — такая же белая, как и глаза, почти не мужская.

Он выглядел как картина, даже старенький стол рядом с ним словно преобразился, наполнившись духом древности и искусства.

Вскоре дверь распахнулась, и в класс вошла женщина средних лет с пышной химической завивкой, разрушив всю идиллию.

Ее грузная фигура была затянута в черное платье. В одной руке она держала кусок арбуза и, доедая его, поманила Му Цы:

— Учитель Му, к вам пришли.

Му Цы поднял голову, все еще немного дезориентированный недавними раздумьями:

— Кто ко мне?

— Родитель. Говорит, ребенок хочет учиться каллиграфии, хочет поговорить с учителем Му, — женщина проглотила последний кусочек красной мякоти. — Он ждет вас в гостиной.

Му Цы, не заподозрив подвоха, встал и вышел из класса. Проходя мимо женщины, он услышал, как она понимающе подмигнула:

— Выглядит он богато. Постарайся убедить его, получишь оплату — выпишу тебе премию в середине месяца.

Му Цы лишь слабо улыбнулся:

— Хорошо.

Он прошел под виноградником и шагнул в небольшую гостиную. На журнальном столике лежала половина разрезанного арбуза, но в комнате никого не было. Стояла тишина, лишь за окном стрекотали летние цикады.

Му Цы удивился. Он сделал шаг вперед, как вдруг сзади раздался отчетливый щелчок замка. Этот звук — клац — болезненно отозвался в его натянутых нервах.

Он тут же обернулся и увидел высокого молодого человека, стоявшего в дверях. Его вид был холодным, жестким и властным, словно он был окружен невидимым инеем. Пальцы мужчины только что отпустили замок — дверь была заперта.

Лицо Му Цы резко изменилось. Он инстинктивно отступил назад, споткнулся о журнальный

столик и чуть не упал.

— Ты... ты... — горло Му Цы сдавило спазмом, он едва мог говорить. Грудь тяжело вздымалась, и невозможно было понять, чего в нем больше — ненависти или страха.

Но он не отводил взгляда от красивого, но жесткого лица мужчины, боясь пошевелиться, словно перед ним был хищный зверь, готовый растерзать его, стоит лишь показать слабость.

Мужчина небрежно поправил галстук, перекинул через руку дорогой черный пиджак и уверенными шагами двинулся к Му Цы.

Слегка прищуренные холодные глаза, волевые черты лица — мужчина склонился, изучая его:

— Один месяц и пять дней.

— Ты заставил меня искать тебя один месяц и пять дней.

Атмосфера в комнате мгновенно превратилась в лед.

Му Цы незаметно сжал в руке спрятанный за спиной нож для фруктов; на лезвии еще оставался розоватый сок арбуза.

Он глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться, и встретился взглядом с женщиной:

— Гу Хуай, это ты вынудил меня. Если бы я не сбежал, то рано или поздно был бы тобой уничтожен.

Гу Хуай внезапно усмехнулся. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь стекло, лег на его четко очерченное лицо, и в этой улыбке промелькнуло нечто пугающе жестокое.

На самом деле Гу Хуай был очень хорош собой, статен и высок. Любой бы назвал его завидным мужчиной, но, по мнению Му Цы, к нему идеально подходило лишь одно выражение: волк в овечьей шкуре.

Улыбка Гу Хуая быстро исчезла, обнажив его истинную натуру. Он схватил Му Цы за хрупкие плечи.

В тот же миг Му Цы взмахнул рукой, пытаясь вонзить нож в живот противника.

Движение было молниеносным, как у опытного бойца, но Гу Хуай слишком хорошо знал его приемы и был готов: он ловко перехватил запястье Му Цы.

В силе Му Цы был полным слабаком по сравнению с ним, и Гу Хуай мгновенно подавил его сопротивление.

Он поднял на меня нож?! Сначала в душе Гу Хуая разлилась горечь, а следом за ней, словно черная вода из колодца, поднялось извращенное, злобное чувство. Желание унижить его, сломать, заставить плакать и рыдать в этот миг стало невыносимо острым!

В глазах Гу Хуая вспыхнула ярость. Словно в отместку, он с силой дернул руку — раздался хруст, запястье Му Цы вылетело из сустава. Нож бессильно выпал из ладони и покатился по полу, а Гу Хуай отшвырнул его ногой.

Он услышал тихий вскрик, и тело Му Цы обмякло.

Звук был едва громче кошачьего писка. Гу Хуай опустил взгляд и увидел, что от боли на лбу Му Цы выступил холодный пот, намочив мягкие пряди волос. Даже так он продолжал до крови кусать губы, не желая издавать ни звука.

Гу Хуай прижал его к себе и, освободив руку, вправил сустав. Прижавшись лбом к его лбу, он заговорил чуть мягче:

— Почему ты всегда пытаешься на меня нападать? Разве мы не можем спокойно поговорить? Я хочу быть с тобой добрым, почему ты даже шанса мне не даешь и только и думаешь, как сбежать?

Му Цы, преодолевая боль, холодно усмехнулся:

— К чему сейчас этот фарс? Гу Хуай, не мечтай. Я с самого начала ясно дал понять: нам с тобой не быть вместе до конца жизни... М-м!

Неизвестно, что именно в этих словах задело Гу Хуая, но он грубо втолкнул Му Цы в диван, навис сверху и, сжав его подбородок, впился в губы.

Поцелуй был яростным, жестким и властным, подавляющим. Му Цы почувствовал, как у него в одно мгновение перехватило дыхание, в глазах потемнело, лишь изредка проскакивали размытые искры.

Пальцы Гу Хуая, словно стальные тиски, сдавили острый подбородок, оставляя синяки. Сердце Му Цы погружалось в пучину отчаяния.

В пылу борьбы только что вправленное запястье снова пострадало. Раздался отчетливый хруст, Му Цы глухо застонал. Гу Хуай на миг замер, затем с неохотой отстранился и, бережно взяв покрасневшее запястье, начал его растирать.

Глаза Му Цы покраснели от боли, он крепко сжал губы и с ледяным видом отвернулся.

— Твои ужимки выглядят отвратительно, — глядя на виноградник за окном, бесстрастно произнес Му Цы. — При твоём статусе и положении стоит лишь поманить пальцем, и толпы будут слетаться на тебя. К чему так вцепляться в меня и мучить нас обоих?

Гу Хуай молчал. Он стоял на коленях перед ним, сосредоточенно массируя ему запястье. Он был так полон нежности, словно тех страданий и боли, что причинил Му Цы, никогда не существовало.

Му Цы больше всего ненавидел именно это его состояние: будучи агрессором и насильником, он всегда притворялся влюбленным и милосердным. В душе Му Цы вспыхнул гнев, он уже хотел выплеснуть его, как вдруг почувствовал тепло на суставе безымянного пальца.

Он в изумлении опустил взгляд и увидел, что Гу Хуай нежно целует его руку.

— Я так скучал по тебе.

Этот всегда властный и жестокий мужчина стоял перед ним на коленях и целовал безымянный палец, на котором должно было быть обручальное кольцо. Его голос был низким и бархатным, полным глубокого чувства.

— Я так скучал по тебе, Му Цы.

<http://bllate.org/book/18692/1806447>